

А.С. Скоробогатов

**РАЗНИЦА МЕЖДУ ДИЛЕММОЙ ДИКТАТОРА
И «ПРОБЛЕМОЙ ЦАРЯ ИРОДА»:
почему советская власть не дорожила
принадлежавшими ей человеческими ресурсами?**

Вопрос, вынесенный в заголовок настоящей статьи, представляет собой одну из главных загадок советской истории. Начиная с октябрьского переворота и (в лучшем случае) до конца 1950-х гг.¹ воцарившаяся в стране советская власть демонстрировала выдающееся по своей пренебрежительности отношение к своим подданным — к сохранности их жизни, работоспособности, наконец, жизненной и профессиональной реализации. Едва придя к власти, большевики принялись за устройство концентрационных лагерей, в которых количество обитателей непрерывно росло, а условия труда и быта постоянно ухудшались². Участь же большинства из тех, кому посчастливилось избежать репрессий, была немногим лучше, если учесть положение сельских жителей, многочисленных ссыльных, да и самого рабочего класса. Обо всех этих фактах уже говорят и пишут без малого двадцать лет, но если к ним присмотреться, возникают вопросы, на которые до сих пор нет сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Почему советская власть арестовывала «ни за что»³? Как объяснить характерное для нее «использование» людей, а именно легкость, с которой она отправляла их на смерть — расстреливала, отправляла в ГУЛАГ, допускала массовый голод или же неоправданные потери во время войны? Почему в условиях как войны, так и (вроде бы) мира власть предпочитала цели и методы, предполагавшие необоснованно высокие затраты человеческих ресурсов?

Поскольку принудительный труд в разнообразных формах — от государственного рабства до крепостничества и трудовых повинностей — имел всеохватывающий характер и находился под полным контролем государства, такое обращение с

подданными выглядит нерациональным, идущим вразрез с интересами самого же государства. По классификации Я. Корнаи, советская экономика была ресурсно-ограниченной, а люди представляли собой важнейший ресурс государства. В то же время советское государство, как никакое другое государство в мире, связывало свои успехи и поражения с экономическими задачами индустриализации и полномасштабного обновления народного хозяйства — задачами, решение которых определялось трудом, а значит и сохранением жизни, здоровья, работоспособности, его подданных. В таком случае выходит, что государство, ставя перед собой цели, достижение которых зависело от принадлежавших ему человеческих активов, допуская их уничтожение, по существу, боролось с самим собой.

Необъяснимость такого поведения, отмечаемая и западными исследователями советского строя⁴, создала устойчивую традицию рассмотрения его руководителей как неких маньяков, движимых заведомо иррациональными мотивами, или попросту халатно относящихся к своим задачам. Если это действительно так, то экономическая теория, будучи изначально сухой логикой рациональности, непригодна для объяснения мотивов их поведения. Методами анализа нерационального поведения экономическая наука не располагает, но располагает инструментом предсказания его последствий. Усвоенный ею эволюционный подход, сформулированный А. Алчианом⁵, предполагает, что любые нерациональные схемы поведения, институты и их носители должны отсеиваться в ходе естественного отбора. Можно ли утверждать, что советская власть не прошла естественный отбор по причине своего нерационального поведения? Может быть, это и так. Однако те руководители, которые сформировали эту систему, и которым было наиболее присуще соответствующее поведение, выиграла в конкурентной борьбе, и значит, с точки зрения политического и экономического выживания, их действия были целесообразны.

Настоящая статья посвящена поискам разрешения указанного парадокса. Вначале будут рассмотрены возможные объяснения, которые вытекают из литературы по экономике принудительного труда и теории диктатуры. Затем будет предложено авторское решение на основании трактовки указанного времени

как эпохи «перманентной» гражданской войны, в чем-то напоминающей столетнюю гражданскую войну, завершившую республиканский период истории древнего Рима. Что особенно важно, предлагаемое в статье объяснение конкретных исторических явлений, вероятно, могло бы претендовать на статус нового обобщения в рамках теории диктатуры, так что его можно было бы использовать для объяснения схожих фактов в совершенно иных исторических контекстах.

Экономика рабства: рациональный смысл принуждения

Итак, поскольку советское общество представляло собой систему тотального принуждения, в поисках ответов на поставленные вопросы можно обратиться к литературе по экономике рабства. В последней обычно рассматриваются рациональные основы отношений между хозяином и рабом, а также условия, делающие выгодным порабощение человека и определяющие степень его загрузки и заботы о «воспроизводстве его рабочей силы». Одна из наиболее известных концепций принудительного труда принадлежит Д. Норту и Р. Томасу, которые, исследуя особенности западноевропейского феодализма, пришли к выводу о том, что в его основе лежал взаимовыгодный обмен между феодалами и крестьянами. Последние получали «защиту и справедливость» в обмен на свой труд в хозяйствах феодалов⁶. Таким образом, здесь мы имеем дело с контрактным государством в миниатюре, когда общество в лице крестьян заключает сделку с поставщиком общественных благ, результатом которой является повышение совокупного благосостояния. Развитием данной концепции стала склонность экономистов институционального направления усматривать контрактные отношения во всех случаях принудительного труда. Действительно, люди могут сами изъявлять готовность жертвовать своей свободой ради жизненно-важных благ, таких как пища, кров и защита, и в истории рабство нередко было сравнительно завидной долей⁷. Положение раба дает известные преимущества, а именно заинтересованность в сохранении его жизни и работоспособности у кого-то еще. В определенных обстоятельствах это может быть решающим для сохранения жизни. Рачительный хозяин, заботясь о своей собственности, будет обеспечивать своим рабам

пропитание, защиту и медицинское обслуживание на уровне, достаточном для сохранения их жизни и работоспособности, тогда как свободный сам должен об этом заботиться. И если он беден и слаб, у него это может получаться хуже, чем у богатого и сильного рабовладельца.

Другие теоретики делали акцент на выгодах лишь одной из сторон — пользователя принудительного труда. Е. Домар связывал стимулы к порабощению с высокой отдачей от принудительного труда, возникающей в условиях редкости рабочей силы относительно земли или иных ресурсов⁸. Й. Барцель предполагал, что рабство оправдано во всех случаях, когда оно обещает повышенные трудовые усилия раба при его содержании, обеспечивающем лишь поддержание его работоспособности. В широком смысле, речь здесь идет об экономии на оплате труда. Если есть необходимость в труде, малопривлекательном по причине его тяжести, интенсивности, унижительность и т.д., к нему можно было бы привлечь и вольнонаемных работников, но при условии надлежащей компенсации, раба же можно заставить делать то же самое, предоставляя ему лишь прожиточный минимум.

Положение раба, с определенными оговорками, аналогично положению нищего, который должен такую сумму, что для ее выплаты с соответствующими процентами ему придется взять на себя трудовые усилия и согласиться на уровень потребления, которые устанавливаются рабовладельцами в отношении их рабов⁹. Станет ли такой человек рабом, зависит от сравнительных издержек контроля за должниками и за рабами. Весь вопрос здесь в том, каким образом кредитору будет легче взыскать долг — получая с него часть его доходов или же пользуясь доходами с него как с актива; по сути, выбор здесь делается между двумя видами активов: долговыми обязательствами, предполагающими сохранение у человека свободы, и капиталом, предполагающим превращение должника в актив, т.е. вопрос в том, что должно служить активом кредитору — обязательство должника или он сам. Таким образом, нищета, влекущая за собой долги, приводит к возникновению рабства. И это рабство может быть и принудительным, если кредитор сочтет более выгодным для себя превращение должника в актив, и добровольным, если должнику покажется более выгодным положение раба. Ключе-

вой момент, определяющий возникновение и формы рабства, — это издержки контроля.

С. Феноальтеа целесообразность рабства увязывал с возможностью экономии как на оплате труда, так и на низких издержках контроля. Последние важны по причине отсутствия у рабов положительных стимулов к труду, из-за чего заставить их трудиться можно, лишь создавая стимул в виде страха и боли, т.е. путем контроля, физического принуждения и наказания. Это требует затрат и уменьшает экономию на оплате труда. Следовательно, условием эффективности рабского труда является возможность сэкономить также и на этих затратах. По мнению автора этой модели, такая экономия возможна лишь при использовании неквалифицированного труда — когда результат определяется усилиями, а не собственной «заботой», творческим подходом и воображением¹⁰.

Итак, вышеописанные концепции приписывают значительной части рабовладельческих отношений взаимовыгодный контрактный характер; предполагают бережное отношение владельцев к «живому капиталу»; а также возможности целесообразного принуждения лишь в отношении неквалифицированного труда. При помощи этих концепций можно объяснить очень многое в истории принудительного труда, в том числе и в нашей стране, но они не подходят для ответа на вопросы, поставленные в данной статье — они не объясняют условий содержания рабов, обрекающих их на вымирание и имеющих место независимо от их производительности. Скажем, если человек возит тачки со строительным мусором, его можно побудить работать быстрее при помощи кнута или угрозы расстрела, но постоянное содержание его на голодном пайке явно ничего не дает в плане производительности, но наоборот истощает его силы, по сути, создает быстрый износ человека как капитального актива без выигрыша в производительности.

Еще один момент — использование советским руководством физического принуждения в отношении как неквалифицированного, так и квалифицированного труда, свидетельством чему служат «шарашки» — научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, использовавшие творческий труд заключенных ученых и инженеров. Правда, в качестве стимулов

для советских заключенных специалистов выступало сочетание сравнительно хороших условий и угрозы лагеря. Но, по Феноальтеа, такая угроза также относится к «болевым стимулам», как и для наемного работника риск потерять работу и оказаться перед угрозой голода. В его концепции применение такого рода стимулов целесообразно только в отношении «усилие-интенсивного труда». Здесь же парадокс — то же самое в отношении «забото-интенсивного труда», т.е. труда, требующего творчества, воображения. Как полагает Феноальтеа, тревога, беспокойство, — состояние, эффективное лишь для неквалифицированного труда, и вредное для труда квалифицированного. Однако советский режим, мало того, что отправлял специалистов в заключение, но еще и «напрягал» угрозами. Таким образом, как всеохватность принудительного труда, так и умышленное разрушение «живого капитала», характеризующие советскую систему не вписываются в вышеописанные концепции, выявляющие рациональные основания рабства.

Политэкономия диктатуры: логика удержания власти

Поскольку организатором системы принудительного труда было государство, основной вопрос настоящей статьи требует обращения к политической экономии, в частности, теории поведения диктатора, развитие которой предложено Уинтробом¹¹. Поведение диктатора здесь выступает как направленное на максимизацию функции полезности, определяемой такими переменными как безопасность, власть, личное потребление и распространение и реализация на практике своей идеологии. Все эти цели, по сути, являются взаимодополняемыми, и разница между диктатурами состоит лишь в акцентах. Если же речь идет о советской диктатуре, то ее первой целью, несомненно, было определенное переустройство мира в соответствии с замыслом государства. Чтобы этого достичь, необходима власть как возможность контролировать жизни людей во всех ее аспектах. Чем полнее власть в плане охвата населения и его жизни, тем легче достичь любой идеологической цели. Тем самым, власть есть средство для достижения идеологической цели, но средство, настолько неразрывно связанное с целью, что легко превращается в нечто единое с ней. Безопасность, по сути, — та же характеристика полноты власти. Лишь личное

потребление оказывается целью, несколько второстепенной в случае коммунистической диктатуры. Хотя ее можно понимать в расширительном смысле — в качестве всего, что удовлетворяет желания диктатора, и если его желанием является «мировая революция», а для его достижения требуется военное производство, то соответствующая продукция и может рассматриваться в качестве элементов личного потребления. Действительно, диктаторы разные и желания у них разные. Людовику XIV хотелось иметь сказочный дворец, жене филиппинского диктатора — 3 000 пар обуви, а Сталину — коммунистические правительства в Восточной Европе. Достижение каждой из этих целей требует затраты ресурсов. Ресурсы затрачиваются, а на выходе — удовлетворение одного человека, и в этом смысле личное потребление оказывается первой целью любого диктатора.

В отличие от идеальной прямой демократии, принимающей решения на основании правила единогласия, диктатура функционирует не ради общественного благосостояния, а ради благосостояния диктатора, которое достигается за счет перераспределения ресурсов на его цели. Для простоты цели диктатора легко свести всего к двум: личным целям (потребление, в узком смысле, или идеология) и власти (безопасность или ее усиление). Значение этих переменных зависит от лояльности населения и репрессий.

Лояльность обеспечивается за счет хорошей жизни для части населения, а репрессии достигают своей цели, когда используются по назначению, т.е. против потенциальных зачинщиков бунта. Таким образом, диктатор должен следовать выборочным стратегиям наград и наказаний, а именно друзей миловать, а врагов казнить. Поскольку власть диктатора определяется лояльностью населения, которая, в свою очередь, находится в обратной зависимости от степени перераспределения в пользу диктатора, и страхом, определяющимся размахом репрессий, рациональное использование ресурсов в данном случае предполагает разбиение общества на группы по двум таким критериям как восприимчивость к наградам и наказаниям. Соответственно, перераспределение нужно организовать от тех, кто в любом случае будет против диктатора, к тем, чья лояльность может быть куплена, а острие репрессий, соответственно, должно быть направлено против первых.

В результате диктатура с необходимостью оказывается марксовым классовым обществом эксплуатируемых и эксплуататоров, где первые обираются последними с помощью репрессивных возможностей государства. Отличие от Маркса здесь в том, что при формировании классов первичными могут быть не объективные экономические интересы, а приверженность идеологии или даже самому диктатору. Экономические интересы эксплуататоров могут сформироваться уже после того, как они доказали свою верность диктатору, т.е. «производственные отношения» в виде классов могут не определять политическую надстройку, а сами ей определяться. Другое отличие — большая классовая пестрота: в промежутке между winners и losers могут располагаться различные прослойки с умеренным отношением к диктатору, в отношении которых степень перераспределения и репрессии, опять-таки, должны быть соответствующими.

Успешное осуществление политики выборочных наград и наказаний требует верной информации об истинных друзьях и врагах диктатора, а, в широком смысле, о степени лояльности его подданных, чтобы каждый подданный получал такую порцию наград/наказаний, которая была бы оптимальна в плане поощрения лояльности и предупреждения бунта. И здесь диктатор сталкивается с проблемой, обозначаемой в литературе как дилемма диктатора: выборочная стратегия наград и наказаний необходима для удержания власти, но она стимулирует каждого прикидываться другом диктатора и, соответственно, затрудняет для него идентификацию его истинных друзей и врагов. При этом неопределенность относительно истинного отношения к диктатору будет тем больше, чем активнее его политика наград и наказаний, т.е. чем выше степень перераспределения и репрессий. Это ставит под вопрос всю политику удержания власти диктатора, поскольку ее инструменты — награды и наказания — могут достигать цели, лишь при их использовании по надлежащим адресам.

Проблема решается путем создания диктатором четких критериев для подразделения общества на группы по их отношению к нему с тем, чтобы к каждой группе применять соответствующую дозу наград/наказаний. Критерием отбора покровительствуемой диктатором группы может быть экономический инте-

рес, идеологическая окраска, социальное происхождение или семейные узы. Успех этой политики, выражающийся в укреплении власти диктатора, будет зависеть от того, насколько корректными оказались выбранные диктатором критерии.

Дилемму диктатора (все же располагающего надежными критериями для отделения своих от чужих), кажется, можно с успехом применить для анализа современницы сталинской державы — гитлеровской Германии, — использовавшей население завоеванных территорий и военнопленных в качестве рабочей силы с заведомо коротким сроком службы. Германия так поступала с этим населением, поскольку преследовала цели не только производственные, но и военные, истребительные, состоявшие в том, чтобы избавиться от потенциальной живой силы противника, а также очистить территорию, предназначенную для заселения собственными гражданами. Схожие примеры можно найти и в далеком прошлом — в истории Рима или же Древнего востока (ср. библейское повествование об отношении египетского фараона к еврейскому народу, в частности его неудержимой тяге так распорядиться своими еврейскими подданными, чтобы не только извлечь трудовые результаты, но и добиться уменьшения их численности, поскольку в них он видел угрозу для государства).

Подход Уинтроба может быть органично дополнен олсоновым подходом к анализу советского общества. По М. Олсону, группы специальных интересов, в отличие от групп всеохватывающих интересов, подрывают основы экономического роста. Советское государство как оседлый бандит было группой со всеохватывающим интересом, поскольку его цели в виде удержания и укрепления власти напрямую зависели от успехов всего народного хозяйства. Соответственно, угодные государству экономические и идеологические интересы должны были формироваться только вертикальными связями. Исходя из этого, «чистки» Олсон трактует как дисциплинарные меры, предотвращавшие возникновение бюрократических сговоров (горизонтальных связей), которые уменьшали эффективность системы¹².

Вышеописанные концепции хорошо объясняют ряд аспектов функционирования советского государства. Последнее, действительно, предпринимало большие усилия по выявлению отношения к себе со стороны различных групп населения. И советская

социальная стратификация, охватывавшая все слои населения, включая заключенных, отражала ориентировочную степень лояльности. Вместе с тем, и группы интересов в виде как сугубо горизонтальных связей, которые обеспечивали взаимные преимущества, именуемые «блатом», так и клиентских отношений, имели поистине всепроникающий характер. Разбивка общества на группы взаимной поддержки стала с его стороны естественной реакцией на экстремальные условия, которые создавались советской социальной инженерией, индустриализацией и связанными с этим разнообразными экспериментами, проводившимися властью над страной¹³.

И все же они не позволяют в полной мере ответить на поставленные в настоящей статье вопросы. Хотя власть и стремилась подразделить общество на прослойки по их лояльности в видах назначения надлежащей дозы наград/наказаний, действенность этих мер, вероятно, была весьма ограниченной по причине крайней размытости тех идеологических и экономических критериев, которыми она располагала. Значительная часть репрессированных, явно, не подходят под те критерии, на основании которых было бы возможно решение о назначении им их наказаний. Среди них было немало лояльно или терпимо относившихся к власти; не только не совершавших никаких государственных преступлений, но бывших не в состоянии даже помыслить об этом. Об этом свидетельствует и характер нелепых обвинений и всей карательной системы, ориентированной на осуждение на основании признаний, вырванных насильем. Остается не вполне понятным ни размах репрессий, когда в них было втянуто едва ли не все население (в частности, люди, профессия которых никак не позволяла им вступить в какой-то сговор), ни их жесткость: ведь для предотвращения сговора, достаточно человека не только что посадить, но даже и просто уволить, тогда как здесь репрессии создавали угрозу жизни.

Лояльность за счет улучшения жизни, если и могла быть достигнута, то только в отношении узкого сегмента, поскольку подавляющая часть народа стала жить значительно хуже. Большинство населения составляли крестьяне, а их разорили разнообразными тотальными поборами. Среди них выиграли лишь беднейшие, которым за счет их собратьев что-то дали. Весьма

сомнительно, чтобы выиграл и пролетариат, во всяком случае, он утратил свободу. Значительная часть интеллигенции определенно проиграла, поскольку имела «плохое» социальное происхождение и потому должна была получать большую дозу наказаний. Чисто материальный выигрыш получили, пожалуй, представители вновь возникшей государственной машины, хотя и эта выгода очень ослабляется репрессиями, которые они на себе испытывали. Таким образом, поведение сталинского режима не соответствует теории и кажется парадоксальным. Власть очень мало пользуется пряником, но явно злоупотребляет кнутом, и преуспевает. Описываемый теорией диктатуры социальный переворот предполагает получение выигрыша одним социальным классом за счет другого. В данном же случае выигрыш узкой прослойки несопоставимо меньше потерь, которые понесли другие¹⁴.

Социальную базу сталинской диктатуры можно было бы усматривать в государственном аппарате включая все сколько-нибудь руководящие должности в хозяйстве, в армии, в карательной системе, а также сектор приближенных к ним в виде разнообразной obsługi и т.д. В таком случае советский строй вплотную приближается к азиатскому способу производства с классами государства и подданных. Специфика, однако, заключается в том, что социальная структура претерпевала глубокие изменения: все старые классы — крестьянство, купцы, дворяне, даже пролетариат и революционное движение, в большей или меньшей степени теряли, тогда как выигрывавший класс в виде нового государства только нарождался. Соответственно, если подразделить население на классы подданных и государства, то первые определенно были лишены объективных оснований для поддержки власти, а вторые находились в неоднозначном положении, поскольку, с одной стороны, они пользовались благами, проистекающими из принадлежности к правящему классу, а, с другой стороны, они в недавнем прошлом принадлежали к тем классам, которые теперь пребывали в бедственном положении. С чисто индивидуалистической точки зрения, это как будто не важно: какая разница, что происходит с классом, к которому ты уже не принадлежишь?

Но, во-первых, при старом режиме кто-то мог находиться в лучшем положении даже по сравнению со своим выгодным местом при новой власти. Это, конечно же, дворяне, купцы и

чиновники. Во-вторых, даже если они и выигрывали, они могли быть равнодушны к судьбе своих родственников, друзей и знакомых, т.е. своих бывших локальных сообществ, с которым привыкли себя ассоциировать. Безусловная преданность власти могла исходить только от изгоев — людей, находившихся в самом низу старой социальной лестницы и не привыкших себя относить к какому-либо локальному сообществу, — и от «негодяев», т.е. тех, кто легко рвал старые социальные связи ради карьеры в новом обществе.

Еще одно возможное предположение в том, что власть при помощи репрессий пыталась достичь покорности населения путем запугивания. В истории некоторые тираны, действительно, руководствовались этим мотивом, чтобы обеспечить себе вынужденную лояльность своих подданных. Следование этой стратегии предполагает осуществление репрессий таким образом, чтобы о них все знали. Сюда будут относиться публичные казни и истязания¹⁵. Однако советская власть свои репрессии тщательно скрывала. Это подтверждается создаваемыми по ее указке документальными фильмами и книгами о мифической сладкой жизни в лагерях, также как и гонениями против тех, кто мог рассказать правду о ее карательной политике¹⁶. Поэтому едва ли власть осуществляла репрессии из соображений запугивания.

Конечно, советская эпоха, как никакая в нашей истории, отмечена атмосферой страха, но это само по себе не свидетельствует о намерении власти запугать общество репрессиями и тяжелым содержанием заключенных, а, учитывая ее стремление скрывать свои размах и жестокость репрессий, скорее было побочным эффектом ее политики. Правда, были репрессии, и подлежавшие широкой огласке, как в случае разнообразных «процессов». Однако, как правило, это касалось лишь высокопоставленных деятелей, когда, скажем, их расстрел, нельзя было утаить от общественности, и само по себе не могло быть источником информации о размахе и суровости репрессий. Кроме того, устраивая процессы, власть могла просто пытаться режиссировать свои кровавые деяния таким образом, чтобы их главным исполнителем представить само же общество, переложив тем самым на него ответственность за них.

Специфика советской тирании — политика в условиях перманентной гражданской войны

Советская система принуждения, по существу, стала выражением продолжавшейся гражданской войны. Особенность российской революции в том, что полноценного класса, который бы выиграл благодаря ей, не было. По смыслу коммунистической идеологии, это был пролетариат, но он составлял сравнительно узкую прослойку, большинство же населения проживало в деревне. В критические для себя времена большевики выезжали на идеологии, демагогии и, что, может быть, важнее всего, щедрой раздаче пустых обещаний — политическом приеме, которым в те времена никто не пользовался столь искусно. Различным группам населения они обещали чаемое ими: крестьянам — землю; рабочим — контроль над предприятиями и повышение уровня жизни; интеллигенции — «новое справедливое» общество, построенное в соответствии с передовой идеологией; национальным меньшинствам — самостоятельность от империи; наконец, всем — прекращение опостылевшей войны. К тому моменту, когда та или иная прослойка находила себя обманутой, время для решительных действий против советской власти, как правило, уже было упущено.

По самому способу обретения власти большевики получили подданных, среди которых каждый вполне мог считать себя обманутым. Отношение к власти у большинства определялось трудно предсказуемой верой в идеологию, вождя и меняющиеся обещания. Поэтому вполне разумным было предполагать затаенную нелояльность большей части населения, а в отсутствие четких критериев для отделения своих от чужих *в каждом человеке можно было допускать как лояльность, так и нелояльность к власти.*

Необходимость существования большого количества нелояльных к власти и отсутствие *четких* критериев побуждало ее использовать *широкие и размытые* критерии для определения своих врагов: верующие как носители чуждой идеологии, крестьяне как представители чуждого класса, «ленинская гвардия» как носители идей, несколько отличных от «генеральной линии», жертвы доносов, потому что на кого-нибудь доносят справедливо, после войны те, кто были в плену или на оккупированной территории и т.д. и т.п.¹⁷

Здесь может быть полезным и следующее обобщение: условием возникновения рабства в подавляющем большинстве случаев является такое положение человека, при котором единственной альтернативой порабощения является его смерть. Такая ситуация возникает в случае нищеты и войны. Нищенское положение человека предполагает его неминуемую смерть, если кто-то богатый его не накормит, взяв в обмен его свободу. Ситуация с войной аналогична в том плане, что военнопленный является солдатом вражеской армии, подлежащей уничтожению. И здесь возникает рациональное соображение: зачем добру пропадать и не использовать ли лучше эту рабочую силу? О выкупе в данном случае бессмысленно говорить, потому что на свободе вражеский солдат опасен и, в этом смысле, может быть только два его приемлемых положения — ограничение свободы или смерть. Как раз в таком случае и можно объяснить крайне плохое обращение с подневольными работниками, поскольку низкие издержки их содержания достигают некоей полезной цели как в случае продолжения их жизни, поскольку означают экономию, так и в случае их смерти, каковая является одним из их допустимых состояний.

Основная масса заключенных, ссыльных, колхозников и т.п., по существу, находилась на положении пленных недавно завершившейся или же подспудно продолжавшейся гражданской войны: как те, так и другие рассматривались в качестве побежденной стороны в войнах с Белой гвардией, крестьянами и прочими «контрреволюционными элементами»¹⁸. Исходя из этих же соображений можно ответить и на вопрос о том, почему сотрудников шарашек не освобождали полностью, хотя и вне зоны они были бы вынуждены работать на то же государство. Создание шарашек диктовалось не столько экономическими, сколько политическими расчетами, побуждавшими власть видеть в каждом потенциального врага и, соответственно, пытаться обезвредить его, лишая свободы и тем обрекая на социальную смерть, а для кого-то в перспективе и на смерть физическую¹⁹.

Почему же государство в лице Хрущева постепенно отказалось от массового порабощения с перспективой социальной или физической смерти для всех попадающих в сети карательной машины? Вышеописанное позволяет предположить, что к тому времени государство избавилось от синдрома гражданской вой-

ны. В межвоенный период государство пыталось преследовать тех, кто являлся потенциальным источником возобновления той же войны. В военный и послевоенный периоды преследованиям подвергались те, в ком государство видело враждебный элемент, готовый встать на сторону немцев. За четыре десятилетия советской власти сошло со сцены поколение людей, судьба которых так или иначе была связана со старым режимом. Эти люди были либо истреблены репрессивной машиной, либо погибли на войне, либо, пройдя через лагеря, пережили социальную смерть и, тем самым, были обезврежены как потенциальные политические противники, либо, наконец, просто состарились и утратили жизненную активность. В пятидесятые годы главную роль в жизни уже играли представители поколения, воспринимавшего имевшийся социальный строй как естественный и не испытывавшего ностальгии по старорежимной России.

Метафорой этой истории мог бы послужить исход израильтян из Египта, которых их вождь Моисей (не в обиду будет сказано великому библейскому герою), как и в нашем случае, сорок лет водил по пустыне, под предлогом странствия в землю обетованную. Так он смог избавиться от поколения, ностальгировавшего по Египту, и сформировать новое общество на основе того поколения, которое уже не знало Египта и могло обетованную землю сравнивать лишь с пустыней.

Дилемма диктатора и «проблема царя Ирода»

Суть дилеммы диктатора в том, что диктатору требуется информация о его друзьях и врагах, получение которой затрудняется неизбежной для него политикой, но у него есть четкие критерии для выявления своих противников. Данная концепция предсказывают направление репрессий против идеологических противников, «враждебных классов» по экономическим интересам или же, как в теории горизонтальных связей Олсона, против подрывающих основы хозяйства «сговаривающихся бюрократов»²⁰.

В советском обществе такие группы, правда, были мишенями, но кроме них, страдало и множество других, никоим образом, не вписывавшихся в эти прослойки. Здесь и выявляется специфика в положении советского диктатора сравнительно с положением диктатора, стоящего перед «дилеммой» в описанной теории. Со-

ветский диктатор имел дело с рассеянным в обществе смертельным врагом, устранение которого он считал условием сохранения власти, но которого было невозможно идентифицировать. Этим и можно объяснить принятое им решение о репрессиях против очень широкого класса населения, значительную часть которого репрессировать не имело смысла по причине их вполне лояльного отношения к диктатору. Но репрессии против всех по малейшему подозрению или вовсе при отсутствии оснований для подозрений были мерами предосторожности, которые принимались ради того, чтобы действовать наверняка и точно поразить цель. Такую политику здесь можно уподобить работе на золотых приисках, предполагающей перепахивание огромного количества почвы, чтобы в этих толщах найти немного золота, или действиям браконьера, глушащего взрывчаткой все, что водится на определенном участке реки, чтобы заполучить лишь определенные виды рыбы.

Ситуация с взаимоотношениями советского государства и общества напоминает «избиение младенцев» в Вифлееме, когда царь, дабы избавиться от единственного потенциального политического конкурента и не имея возможности его идентифицировать, приказывает уничтожить всех относящихся к очень широкому классу, в который должна входить и искомая жертва. В рамках теории диктатуры это можно обозначить как «проблему царя Ирода», состоящую в невозможности идентификации истинных противников диктатора, что заставляет его проводить репрессии против очень широкого класса людей.

Советское рабство с характерным для него пренебрежением к сохранению жизни подневольной рабочей силы можно связать и с теорией государства-бандита Олсона²¹. У него государство — это оседлый бандит, заинтересованный в сохранении способности и стимулов к труду у обираемых им. В отличие от него бандиту-гастролеру нет нужды заботиться о своих жертвах, и он забирает у них все. Важнейшая предпосылка Олсона в том, что государство по отношению к своим подданным может выступать в роли лишь оседлого бандита. Но такое поведение для него будет свойственно тогда, когда он, по крайней мере, не опасается сопротивления. Однако если подданные для него — это источник не только долгосрочного обогащения, но и опасности, его мотивация в отношении них усложняется. Теперь она

должна включать в себя побуждение как к созданию условий для ведения хозяйства, так и уничтожению ростков потенциального сопротивления, а это два прямо противоположных мотива, ведь подданные и кормят бандита, и угрожают ему.

Что с ними делать? Каким бы ни был ответ на этот вопрос, наш бандит начинает совмещать в себе черты как оседлого, так и гастролерствующего. Его горизонт планирования в отношении подданных сокращается. Если оседлый бандит планирует длительное время «работать» с одним и тем же населением, а гастролер расстанется с ним сразу же после его ограбления, то оседлый бандит, опасаящийся бунта, будет взаимодействовать с населением, предоставляя ему условия, не гарантирующие не только стимулы, но даже и выживание. Другими словами, население можно единожды полностью ограбить, можно обирать долго, стимулируя пряником, и можно обирать некоторое время, стимулируя только кнутом. Лишь некоторое время, поскольку люди, не получающие ничего кроме кнута, будут обнаруживать склонность к бунту, в случае которого бандит уже не будет щадить их жизни.

В этом смысле, гастролерствующий и оседлый бандиты оказываются двумя крайними типами, между которыми может располагаться множество промежуточных вариантов. Первый забирает все, ничего не давая, и уходит; последний забирает лишь часть, давая что-то взамен, и остается надолго. В промежуточном же случае бандит забирает почти все, почти ничего не оставляя, и остается ненадолго. Остается или уходит не в смысле пребывания на определенной территории, а в смысле длительности контакта с населением.

В начале советской истории государство решало, какого рода бандитом оно должно стать для российского населения. И здесь можно выделить три варианта, предложенные Бухариным, Троцким и Сталиным. Первый предлагал государству стать «цивилизованным» оседлым бандитом, ставящим на первое место развитие легкой промышленности и сельского хозяйства — основ благосостояния населения, опора на которые позволила бы позднее создать тяжелую промышленность и военное производство. Троцкий, напротив, считал необходимым продолжения политики военного коммунизма — трудовых армий, продразверстки и прочих мер по вытягиванию всех жил из населения

ради «мировой революции», — политики, в которой нашел бы выражение противоположный тип государства как бандита-гастролера. План Сталина представлял собой лишь несколько смягченный вариант плана Троцкого: коллективизация есть лишь более организованная форма продразверстки, а индустриализация, предполагавшая крепостное право рабочих, была реализацией идеи трудовых армий. Смягчение можно видеть в сохранении товарно-денежных отношений в городах вместо предлагавшейся Троцким системы натурального распределения, в доле Гулага в рабочей силе (10% против 50%), в меньшем революционном напоре во внешней политике. Победа этого варианта означала победу государства, относящегося к промежуточному типу между оседлым и гастроллирующим бандитом.

«Проблема царя Ирода» и война: количество против качества

При подготовке к большой войне сталинский режим ориентировался почти исключительно на количественные показатели, почти не уделяя внимания развитию человеческого потенциала. Предполагалось, что главное — это больше танков, самолетов и прочей техники вкупе с количественным превосходством в живой силе. Значение, конечно, имеют и качество, и количество. И любой организатор военной силы должен это учитывать, однако акценты могут ставиться различно: в одном случае ставка будет делаться на профессионализм, а в другом — на количество. Как это можно проинтерпретировать в рамках экономической теории и истории?

Как это ни цинично звучит, но люди на войне, как и техника, — это расходный материал, и соображения о том, сколько должно уходить этого материала в расчете на единицу военного результата (в километрах завоеванной территории или уничтоженной силы врага), будут в том числе зависеть и от его ожидаемой отдачи и стоимости. Объем вложений в обучение солдата будет напрямую определяться его ценностью для государства, потому что *ceteris paribus* чем более обученной будет армия, тем меньше будут ее потери. Одним из соображений, влияющих на решения о требуемом уровне подготовки солдат, является стремление уменьшить потери. Экономии живой силы, помимо

обучения, может обеспечить также и военная тактика и стратегия: можно взять город приступом, а можно — путем блокады и бомбардировок; можно начать сражение, сразу же пуская в ход пехоту, а можно, начав с длительной артподготовки; вообще, ориентация на технику, на удары издалека, может выражаться в большей или меньшей степени, и зависит она будет, в числе всего прочего, от ценности живой силы²².

Здесь уместны сопоставления действий советского и английского руководства в аналогичных ситуациях, когда нужно было срочно спасти армию, оказавшуюся в безнадежной ситуации. Спасение английского корпуса в начале июня 1940 г., прижатого немцами к побережью Ла-Манша, было осуществлено очень быстро, эффективно и, явно с сознанием первостепенной важности этой задачи. Части же Красной армии, оказавшиеся в аналогичной ситуации в Крыму, были просто брошены там. Точно также не торопились эвакуировать флот из Таллинна, и его запоздалый переход в Кронштадт был связан с множеством потерь, которых можно было бы избежать, позаботившись об этом раньше. Также следует оценивать и военные решения советского руководства, в результате которых многочисленные армии попадали в окружение и обрекались там на уничтожение или плен. Особенно примечательно в связи с этим и занятая советской властью позиция по отношению к собственным военнопленным, а именно неучастие в международных соглашениях по поводу обращения с военнопленными. Результат хорошо известен — советские военнопленные, в отличие от военнопленных других стран, в большинстве своем погибали в немецком плену²³.

Примеров наплевательского отношения советского руководства к людям во время войны — к их жизни, результатам их труда, — множество, и оно разительно отличается от отношения к собственному населению у американцев или англичан в аналогичных ситуациях. Как это объяснить? Здесь также может выражаться «проблема царя Ирода». Собственное население для власти было своим лишь отчасти. Другая половина, воспринимаемая как враждебная, подлежала уничтожению. Поскольку же отделить одну часть от другой было невозможно, то любой человек воспринимался как потенциальный враг, что и снижало его ценность в глазах правителей. Собственное население це-

няется тогда, когда оно считается своим; советские же граждане для государства были «полусвои».

Восприятие граждан как своих лишь отчасти, помимо того, что снижало их ценность и позволяло ими не дорожить, предполагало также короткий срок ожидаемого сотрудничества. По теории Уильямсона, отношенческо-специфические инвестиции порождают взаимозависимость, которая, как правило, вызывает необходимость долгосрочного характера отношений²⁴. Данную взаимосвязь можно развернуть: если отношения долгосрочными быть не могут, стимулы к отношенческо-специфическим инвестициям определенно будут слабее.

Так и здесь. Средний солдат, как и любой средний гражданин, воспринимался как лишь потенциально временный попутчик, и значит, затраты на его обучение могут оказаться бесплодными или даже обернуться вредом в случае его предательства. Если выполнение определенной операции требует затраты двух необученных солдат или же одного обученного, «проблема царя Ирода» предполагает, что предпочтение скорее будет отдано первой альтернативе. Скажем, если, для простоты, половина населения оценивается как потенциально враждебная, то каждый второй — «не наш», и, затрачивая двух, фактически затрачиваешь лишь одного своего. Таким образом, реальная ценность потерь снижается (в данном случае вдвое). Но уменьшается вместе с тем и потенциальная отдача от обучения (здесь опять же вдвое). Выходит, дешевле отдать двух необученных, лишь один из которых «наш», чем одного обученного, т.е. $\frac{1}{2}$ солдата плюс усилия на его обучение (равные в данном случае ценности одного своего солдата). Таким образом, при затратах двух необученных солдат, расходуется лишь один «наш», а при затратах одного обученного, — полтора «наших» необученных. Общий смысл этих рассуждений должен быть очевиден: если у тебя рота солдат, половина личного состава которой против тебя, ты будешь пользоваться ей гораздо расточительней²⁵.

Здесь, конечно, не имеется в виду, что, не щадя своих солдат, советская власть тем самым сознательно их уничтожала, а только их низкая ценность в ее глазах. Низкая по причине того, что лишь часть, притом до конца неидентифицируемая, располагаемых ею войск была ей по-настоящему верна. Примечательно в

данном случае, что власть явно дорожила теми войсками, которые считала вполне своими, например, частями НКВД, которые всегда находились в относительной безопасности, не отправлялись на передовую и располагали всем необходимым для бегства в случае прорыва врага.

В каком-то смысле, указанные закономерности являются частным случаем ситуации неблагоприятного отбора, когда принципал имеет дело с несколькими группами агентов, с которыми он готов заключать разные контракты, но которых он не в состоянии идентифицировать. Скажем, если работодатель имеет дело с ленивыми и трудолюбивыми работниками, которым он готов платить, соответственно, 0 и 10 р., и знает лишь долю тех и других, он будет всем платить средневзвешенную зарплату, например, 5 р. если работники обоих типов имеются в равных количествах²⁶. Так и в случае с советским государством. Если для простоты допустить, что существуют только враги и друзья и их количества равны, при этом первых власть готова уничтожить, а последним — гарантировать жизнь, *«работа» с ними со всеми как с неразличимой массой предполагала бы определение для всех некоей средней участи между казнью и гарантией жизни. Это и могло бы быть нечто вроде простого отсутствия заботы о сохранении жизни.*

Болевые стимулы и количество против качества

Здесь можно воспользоваться также и схемой Феноальтеа: болевые стимулы эффективны лишь в отношении неквалифицированного труда, тогда как квалифицированный труд требует положительного стимулирования; при этом, принудительный труд оправдан лишь при эффективном использовании болевых стимулов. Это приводит к соответствующим предсказаниям: там, где требуется неквалифицированный труд, будет и рабство, а где требуется труд квалифицированный, рабства быть не должно. Эти рассуждения, опять-таки, можно перевернуть. Что если система «умеет» применять лишь болевое стимулирование? В этом случае эффективное использование квалифицированного труда будет уже невозможным, и, следовательно, не будет стимула его развивать. Если обратиться к виноделию, рассматриваемому Феноальтеа в качестве примера, оно требует собственной «заботы» труженика, а забота — материального поощрения²⁷. Но если система

умеет только наказывать, а виноделием заниматься приходится, то средства, которые бы подлежали использованию на выплату премий, здесь были бы направлены на усиление контроля.

Советская система научилась хорошо наказывать, но не умела и не хотела вознаграждать. Основным стимулом в армии были расстрелы, штрафбат и лагерь. Такое стимулирование может заставить солдата выполнять внешние военные действия, которых от него требуют, но если он искусный солдат, такими стимулами его нельзя заставить проявить свое искусство. Итак, здесь возможна следующая простая последовательность рассуждений: единственным стимулом в Красной Армии были наказания, при помощи них можно было контролировать лишь «неквалифицированный солдатский труд», тогда как «квалифицированный труд» таким образом поставить под контроль было нельзя, поэтому режим и не пытался способствовать обучению армии, а делал акцент лишь на тех аспектах военной силы, которые можно контролировать, в том числе развитие вооружения.

Указанные особенности иногда объясняют простой халатностью, традиционной русской склонностью пренебрегать людьми, а также экстенсивным использованием ресурсов. Халатность есть выражение определенной шкалы предпочтений, системы приоритетов, а они уже нуждаются в объяснении, каковым и может быть «проблема царя Ирода». Сравнительное с другими странами пренебрежение человеком в русской истории едва ли имело место, поскольку человек у нас был редок, и таких жертв старая Россия не могла себе позволить, что подтверждается и исторически²⁸. Экстенсивное использование ресурсов может что-то объяснять лишь в том смысле, что советская власть располагала большими возможностями в плане мобилизации населения, чем другие страны, но опять же, если такая разница и имела место, ее не следует преувеличивать. В начале войны гитлеровская армия численно превосходила противостоявшие ей советские войска²⁹, Гитлер также имел возможность объявить всеобщую мобилизацию, как это показал конец войны, а также мог задействовать войска множества зависимых от него и союзнических государств. С другой стороны, советские мобилизационные возможности также были не беспредельны, поскольку ограничивались почти только русскими (остальные народности

воевали крайне неохотно, а нередко и на стороне врага) и только теми из них, которые не были заняты на работах, не находились в лагерях и, опять-таки, не воевали на стороне немцев.

Заключение

В настоящей статье была предпринята попытка найти некое подобие рационального объяснения тех особенностей, которыми характеризовалось обращение советской власти с собственным населением, — кажущегося необъяснимым террора против решительно всех слоев населения, содержания заключенных, обрекавшего их на вымирание, и немногим лучшего отношения к армии во время войны, также как и множества других случаев, в которых по причине действий или бездействия государства его подданные оказывались на краю гибели. Имеющиеся теории принудительного труда и поведения диктатора не позволяют в полной мере объяснить эти явления, поскольку предполагают хозяйское отношение к живому капиталу, а в случае угрозы власти диктатора — репрессии исключительно против действительного источника таковой угрозы.

Трансформация российского общества, вызванная революциями и войнами, породила чрезвычайную социальную мобильность и брожение умов, в результате чего произошли глубокие изменения в социальной и идейной самоидентификации огромного количества людей. В этих условиях захватить власть большевикам помогло именно их умение воспользоваться происходившими переменами в сознании и строении общества. Но эти же перемены и создавали известные трудности в плане удержания власти, а именно неопределенность их социальной базы. В этих условиях допущение о рассеянных во всех слоях общества смертельных врагах власти было вполне правдоподобным. И тогда неизбежная для государства борьба с ее неидентифицируемым врагом по необходимости становилась борьбой против всего общества. В некотором смысле, средний советский гражданин для власти был человеком, находившимся в промежуточном состоянии между смертником и честным человеком. Такое промежуточное состояние исключает как уничтожение, так и полновесную заботу, и предполагает именно низкую ценность людей в глазах власти.

Это может наводить на размышления о том, что лучше (или хуже) для общества — неизменность идеологии и иерархии или же изменчивость всего этого. Олсон, как известно, энергично выступал против первой альтернативы, опасаясь разлагающего влияния групп специальных интересов, укрепляющихся в условиях стабильности. Основатель же всех наук, Аристотель, видел высшую ценность в полисе — вечно воспроизводящей себя социальной структуре. Доля правды, вероятно, есть и в той, и в другой позиции, но наше недавнее прошлое скорее говорит в пользу древнего афинского мыслителя. И дополнительным аргументом здесь является то, что чем глубже и стремительнее изменения в обществе, тем неопределеннее социальная база руководства страны, которое, при наличии достаточной «воли к власти», ради ее сохранения может обнаружить готовность воевать со всем своим народом.

Примечания

¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Екатеринбург, 2006. Т. 2. С. 8.

² В произведениях бывших насельников Гулага, Солженицына и Шаламова, содержится яркое описание условий жизни и труда в советском лагере. Главное впечатление, которое создается при чтении этих воспоминаний очевидцев, в том, что жизнь заключенного нисколько не ценилась — в любой момент он мог погибнуть от пули надзирателя или от ножа уголовника, от голода, холода, отсутствия медицинского обслуживания или чрезмерных трудовых нагрузок.

³ Солженицын А.И. Указ. соч. 1. Гл. 1; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. Гл. 8.

⁴ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 115; The Cambridge History of Russia. Vol. III. The Twentieth Century / Ed. by Suny R.G. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 212.

⁵ Норт Д.С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 22.

⁶ North D.C. and Thomas R. The Rise and Fall of the Manorial System: a Theoretical Model // Journal of Economic History. December. 1971. P. 780; North D.C. Structure and Change in Economic History. N. Y.: W.W. Norton & Company, Inc., 1981. P. 128–131; Fenoaltea S. The Rise and Fall of a Theoretical Model: The Manorial System // Journal of Economic History. 1975.

⁷ Barzel Y. An Economic Analysis of Slavery // Journal of Law and Economics, Vol. 20, No. 1 (Apr., 1977), P. 104–106; Finley M.I. The Ancient Economy. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985. P. 64–68.

⁸ Domar E.D. The Causes of Slavery or Serfdom: A Hypothesis // Journal of Economic History, Vol. 30, No. 1. The Tasks of Economic History (Mar., 1970). P. 20–21.

⁹ Barzel Y. Op. cit. P. 88–91.

¹⁰ Fenoaltea S. Slavery and Supervision in Comparative Perspective: A Model // Journal of Economic History, Vol. 44, No. 3 (Sep., 1984). P. 637–643.

¹¹ Mueller D.C. Public Choice III. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. ch. 18.

¹² Олсон М. Институциональные изменения, рассредоточение власти и общество в переходный период: лекарства от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста // Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998. С. 388–428; Mueller D.C. Op. cit. ch. 18.

¹³ Фицпатрик Ш. Указ. соч. Гл. 2, 4.

¹⁴ В определенном смысле, теория диктатуры отталкивается от предпосылки об отсутствии у диктатора объективной социальной базы, когда предполагает, что функция общественного благосостояния и функция полезности диктатора совпадают, так что все общество работает на диктатора. Фактически, тезис теории диктатуры о наличии идеологической или экономической основы диктатуры, вносит в нее некое внутреннее противоречие, поскольку диктатура, основанная на объективной поддержке некоей прослойки, — это уже не диктатура человека, а диктатура меньшинства (а может, и большинства), что вплотную приближает диктаторский режим к демократическому, управляемому на основании правила большинства.

¹⁵ Здесь можно сослаться на древний Рим с его практикой превращения массовых казней в общенародное зрелище в Колизее (наподобие расправ над иудеями после подавления их бунтов в 70 и 135 гг. или христианами при различных цезарях, видевших в них угрозу для империи), а когда и в акт простого устрашения, типа распятия на крестах вдоль дороги (как было сделано с рабами, сражавшимися под предводительством Спартака). Так же поступали и европейские правители в средние века и в новое время, подвергая истязаниям на городских площадях тех, в ком они видели своих противников.

¹⁶ Солженицын А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 82. Еще одним ярким примером может служить описанная Солженицыным в романе «В круге первом» практика перевозки заключенных в грузовиках, обозначенных надписями «хлеб», «мясо» и т.д.

¹⁷ Великолепный обзор этих «критериев» содержится в главах 2 и 3 «Архипелага» Солженицына.

¹⁸ По этому поводу можно поставить вопрос: почему с пленными немцами обращались лучше? Дело в том, что угроза от них была меньше, поскольку внутри страны главную опасность представляли «контрреволюционные элементы», которые могли бы поднять массы, а немцы такими стать никак не могли, поскольку всеми воспринимались как враги.

¹⁹ Правда, пусть и второстепенный, но некоторый экономический резон здесь все же мог иметь место. Вне зоны специалисты сохранили за

собой право, пусть и в рамках единого государственного хозяйства, заниматься, чем хотят. Система же полного порабощения квалифицированных работников в каких-то случаях обеспечивала оптимальное для власти размещение трудовых ресурсов. Скажем, шарашка могла обеспечить быстрое выполнение важного заказа за счет принудительного сосредоточения ключевых специалистов. Как и предсказывает модель Феноальтеа, таких заключенных «спецов» приходилось активно стимулировать «пряником» — сносными условиями содержания и труда, а также перспективой освобождения и даже сталинской премии, — что, явно, снижало чисто экономический эффект их порабощения. В результате рациональный смысл заключения специалистов приходится искать в области политики.

²⁰ Аристотель определял тиранию как власть человека, опирающегося на поддержку низов. Опять-таки, такой классический тиран не нуждается в уничтожении всех и вся, поскольку его противники легко идентифицируемы, это представители элиты.

²¹ Олсон М. Указ. соч.; McGuire M. C., Olson M. *The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // Journal of Economic Literature*. March, 1996, Vol. 34, No. 1. P. 72–96.

²² Ярким примером здесь может служить советская практика разминирования живыми телами солдат минных полей. Разминирование — это задача, которая очевидно может быть решена разными способами, и выбор решения определяется сравнительной ценностью различных ресурсов, и если принимается решение в пользу разминирования телами, это говорит лишь о крайне низкой ценности человеческих ресурсов.

²³ Верт Н. *История советского государства*. М., 2006. Гл. 8.

²⁴ Скоробогатов А.С. *Лекции и задачи по теории контрактов*. СПб., 2006. Гл. 10, 11. Режим доступа — <http://ie.boom.ru/skorobogatov2/contents.htm>; Скоробогатов А.С. *Теория организации и модели неполных контрактов // Вопросы экономики*. 2007. №12. С. 71–95.

²⁵ Великолепной метафорой, выражающей отношение власти к населению, является изображенная у Солженицына в «В круге первом» готовность органов госбезопасности пойти на арест пяти дипломатов, среди которых один был предателем. В случае трудностей с его выявлением органы допускали для себя возможность уничтожения всех пяти, чтобы среди них оказался и целевой объект.

²⁶ Скоробогатов А.С. *Лекции и задачи по теории контрактов...* Гл. 2, 3.

²⁷ Fenoaltea S. *Slavery and Supervision in Comparative Perspective: A Model // Journal of Economic History*. Vol. 44. No. 3 (Sep., 1984). P. 635–668.

²⁸ Интересны в данной связи замечания Броделя о редкости человека в России (Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.* Т. 3. *Время мира*. М., 1992. Гл. о России). Также и Домар выстраивает свое объяснение закабаления людей, в первую очередь в нашей стране, именно редкостью человеческих ресурсов (Domar E.D. *Op. cit.*).

²⁹ Верт Н. Указ. соч. С. 308.